
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АБХАЗИИ*

Ф.Г. Камкия

Кафедра теории и истории государства и права
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов
ул. Куйбышева, 32, Сочи, Россия, 354348

Статья посвящена некоторым проблемным аспектам развития правовой системы Республики Абхазия, относящихся, безусловно, к категории малоизученных. Автор выявляет специфику правообразования в Абхазии, отмечая плюралистичность ее правовой сферы на протяжении последних столетий. Обосновывается необходимость включения в современную правовую систему Абхазии социальных принципов самоорганизации абхазского общества.

Ключевые слова: правовая система, переходное общество, правовой плюрализм, доминанты духовности, социальные принципы самоорганизации общества.

Развитие позитивного права без согласования с принципами социальной самоорганизации характерно в той или иной мере для всего постсоветского пространства. Заимствованные правовые нормы и правовые институты остаются декларативными, не трансформируются в развитые и устойчивые социальные институты и практики. Поэтому перед правовой системой Абхазии стоит вопрос таким образом: сможет ли правовая система Абхазии интегрировать принципы социальной самоорганизации и современное право?

Переходные состояния стран постсоветского пространства характеризуются переходом от фрагментарной действительности, фиктивности, низкого уровня правосознания и слабой регулятивной функции права к стабильным правовым системам. Правовая система Абхазии плюралистична, здесь можно наблюдать конфликтные и консенсусные модели взаимоотношения обычного и позитивного права. В Абхазии каждая из них образует подсистему правовой системы.

В своем развитии позитивное право Абхазии развивается по пути унификации с российской правовой системой. Нагрузка на современную правовую систему Абхазии является настолько сильной, что она порой не справляется с теми задачами, которые ставятся перед ней политической, экономической и иными сферами.

Следует отметить, что в современном мире, все больше усложняясь, правовые системы теряют свой регулятивный потенциал с точки зрения согласования интересов и упорядочения общественных отношений. А в ряде случаев сама правовая система может быть источником напряжения и конфликтов.

* Статья выполнена в рамках НИР «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» на период 2013–2015 гг. (тема № 090404-0000).

Позитивному праву Абхазии не удастся избежать этой особенности, тогда как обычное право Абхазии, являясь одной из форм социальной самоорганизации, сохраняет свой регулятивный потенциал.

На наш взгляд, существует закономерность, когда законодатель при принятии правовых норм руководствуется лишь принципом политической целесообразности и снижает контроль общества над правовой системой, возникает тенденция к использованию силовых методов управления: в слабых формах это проявляется в бюрократизации государства, в более выраженных — в правовом и неправовом насилии.

Применение силы, и тем более насилия, — свидетельство неспособности общества выстроить внутренний диалог, тогда как право — это, в конечном счете, элемент культуры диалога. Коммуникативная теория права ярко отражает объективную природу данного регулятива. Изначальная рациональная основа современного права заключается в его способности служить средством снижения неопределенности в социальных связях.

При этом надо отметить негативную тенденцию в развитии современного права: право начинает проявлять характерные черты поведения закрытых систем, демонстрирует черты системы, организованной для собственных целей, падение регулятивного потенциала, бюрократизация правового регулирования. Одновременно с этим получает развитие «живое право» в форме обычного права и институтов. В этом случае неизбежен конфликт между современным и «живым правом». Возникает мощное чувство неприятия друг к другу. Нормы обычного права с самого начала социально обусловлены как фундаментальные, лежащие в основании любого общества, в котором социальная позиция индивида (социальной группы) четко определена через совокупность прав и обязанностей по отношению к другим позициям (социальным статусам).

В современной правовой системе Абхазии наблюдается интенсификация конфликтных и консенсусных моделей взаимодействия как внутри правовой системы (система «живого права» — обычное право и система позитивного права), так и правовой системы с внешней средой — с политической системой (государством и с другими социальными целыми).

Современное состояние правовой системы Абхазии выражается в слабости ее функциональных значений. К настоящему моменту государство, политика (политическая система) преобладают. Практика постсоветских государств свидетельствует о том, что осуществление регулирования общественного порядка за рамками правовой системы не возможно. Ровно как доминирование политики над правом, так и доминирование права над принципами самоорганизации социальных систем приводит к напряжению, конфликту.

Исследование динамических аспектов права привело к выявлению не только положительных, но и негативных последствий взаимодействия между правовыми семьями, которые испытывают многие страны, в том числе Россия. В частности, российскими учеными поднята проблема универсализации прав человека и цивилизационных особенностей различных регионов, рассматриваются трудности процесса реализации универсальных стандартов в условиях глобализации [5. С. 142].

Взаимодействие культур, обмен идеями, информацией и т.д. — необходимое условие нормального развития современного мира. Именно в этом проявляются позитивные стороны взаимосвязей различных стран.

Однако имеет место и такая модель взаимодействия, при котором происходит форсирование этих процессов развитыми странами. Стремление «цивиловать» отсталые народы может не дать полезных результатов. Это, как правило, приводит к подрыву той системы ценностей, на которой держится общество, формированию эклектического сознания и психологии, а чаще всего — враждебности и агрессии к тем, кто несет эти инновации без учета культурного поля другой страны.

Рассогласование культур — это фактор, который дестабилизирует общество и деформирует личность; старые образцы поведения теряют свою значимость, новые не усвоены, и общество теряет способность к самоорганизации, разрушается социо-нормативный комплекс как основа нормального функционирования цивилизации. По мнению Г.В. Мальцева: «с точки зрения теории социального регулирования процесс создания нормы есть вторичный, возвышающийся над сферой действия таких первичных регуляторов, как интересы, потребности, желания, стремления, идеи, ценности, эмоции, страсти и т.д. В нормах обобщается опыт их действия, закладывается код, позволяющий корректировать, удерживать первично урегулированное поведение в неких более жестких рамках» [8. С. 524]. И далее: «Постоянно прорываясь в мир сущего, норма упорядочивает бытие, прежде всего общественное бытие, хранит его от крушений, нестабильности и упадка» [8. С. 542].

Важнейшая роль в обеспечении стабильности социальных институтов принадлежит праву — этой сложной нормативной системе, фиксирующей «устойчивые образы всеобщего обязательного поведения». В каждом обществе такие образы будут свои, но в каждом обществе они точно будут. Очевидно, что и право нуждается в устойчивости, основа которой заключена в механизме самоорганизации, представленном внешними и внутренними связями, которые образуют правовую систему, поддерживают ее жизнедеятельность [10].

Сказанное определяет высочайшую степень сложности задач, поставленных временем перед Абхазией в современных условиях. Иными словами, в условиях высокого геополитического сжатия в Абхазии необходимо интегрироваться в национальную общность на основе высоких стандартов права и демократии.

Сможет ли демократия, современное право укорениться в Абхазии? Все зависит от способности общества создать свою форму демократии и собственное обособление (понимание) права, отвечающие традициям, истории, культуре, так как в них сосредоточены принципы самоорганизации жизни социума.

После распада СССР и военных событий 1992–1993 гг. Абхазия узаконила свою правосубъектность посредством принятия Конституции (26 ноября 1994 г.), в соответствии с которой она провозглашается как суверенное, демократическое и правовое государство, основанное на общепризнанных принципах народовластия и разделения властей.

Однако сегодня, как и в прежние времена, в Абхазии сверяется баланс сил в мировой геополитике, что не может не отодвигать последовательное решение проблем, связанных с реализацией задачи создания правового государства, разрешение проблем, связанных с соотношением права и политики, власти и собственности, права и морали. Исследователи отмечают, что различные влиятельные круги мира внедряли на протяжении многих веков на Кавказ «разные модели связи власти и собственности: в Турции и России с помощью власти делают деньги, в Европе с помощью денег покупают власть» [6. С. 40].

Сформулированные проблемы обязывают Абхазию, обладающую своеобразным политико-правовым наследием, в большей степени соотноситься или ориентироваться на признанные международным сообществом нормы и принципы, и в значительно меньшей степени — со сложившейся традиционной правовой культурой и правосознанием.

В первые годы самостоятельного существования законодательство Республики Абхазия складывалось из нормативно-правовых актов Советского Союза, не нарушающих суверенных прав и интересов Абхазии, и в которые по мере необходимости вносились изменения. Вслед за принятием Конституции развитие законодательства идет более ускоренными темпами.

Помимо сложившейся сложной международной обстановки вокруг Абхазии на эту ситуацию влияют еще как минимум два обстоятельства. Во-первых, исторически сложившееся тяготение к России, к ее правовой системе. Во-вторых, формирование и обучение юристов на базе российской юридической школы, ориентированной, естественно, на континентальную правовую семью и соответствующее профессиональное мышление.

Затрагивая развитие законодательства РА, следует отметить принятие за последнее время целого ряда серьезнейших правовых актов: Уголовного кодекса РА, Гражданского кодекса РА, Семейного кодекса РА, Уголовного процессуального кодекса РА, Гражданского процессуального кодекса РА, а также законов «О выборах Президента Республики Абхазия», «О средствах массовой информации», «О науке и государственной научно-технической политике», изменение законов «О гражданстве Республики Абхазия», «О прокуратуре», «О некоммерческих организациях», «О банках и банковской деятельности», «О залоге», «О страховании», «О недрах» и др.

Даже беглый анализ позволяет сделать вывод о том, что в значительной степени принятые нормативно-правовые акты являются результатом унификации законодательства РА с законодательством РФ. В связи с чем является весьма важным исследование пути развития правовой системы Республики Абхазия, так как наличие особенностей данного политико-правового образования не оставляет места сомнениям.

На примере Абхазии можно наблюдать следующие способы правообразования. Правовая аккультурация имела место при царской России в XIX в. Этот же способ правообразования имел место и в XX в. при советской власти, когда социалистическая правовая система распространилась на всю территорию СССР. С 1990-х гг. начался процесс перехода от социалистического права к современному позитивному праву.

Одновременно с указанными процессами характерно на всех стадиях развития и наличие устойчивых признаков такого явления, как правовой плюрализм.

Так, обычное право Абхазии, формируемое спонтанным (синергетическим) способом правообразования, имело значительное влияние на правовое сознание и правовое поведение.

Обычно-правовые нормы как элемент системы самоорганизации абхазского общества ярко проявлялись в зависимости от степени остроты вызовов угрозы социуму. Так, во время войны 1991–1993 гг. в целях сохранения генофонда народа сохраняла свое действие обычно-правовая норма, в соответствии с которой дозволялось не идти на фронт единственному в семье сыну. Командующими военными подразделениями абхазской армии становились лица, соответствующие званию строго по достижительному принципу. Лидер абхазского народа В.Г. Ардзинба обращался, соблюдая обычно-правовые процессуальные нормы, от имени народа, борющегося за свободу и независимость от грузинских неокOLONIALИСТОВ, к главному жрецу Абхазии Зауру Чичба с просьбой благословения на победу и воззванием наказать те силы, которые вторглись на абхазскую землю. Места проведения молений в зависимости от сложности дел являются священными, упоминание о которых даже напрягает обычно-правовое сознание. На протяжении веков в Абхазии развит такой обычно-правовой институт, как Совет старейшин, который имеет свою структуру, включая локальные — родовые, сельские, региональные (районные), и всенародные. Признаки обычно-правового института проявляются в том, что существуют строгие правила избрания членов Совета старейшин, они базируются на единстве предписанных и достижительных императивов.

Процедура подачи, рассмотрения и принятия решения по жизненно важным обстоятельствам строго регламентированы обычно-правовыми нормами. Решение Совета старейшин имеет свою структуру. В нем можно обнаружить признаки вводной части, описательной части, мотивировочной части и резолюции. Разумеется, их сложно идентифицировать с современными формами, они выражаются специфическим языком, апеллируют к вечным ценностям и традиционной картине мира абхаза, однако указанные элементы действительно просматриваются в аргументации и решении Совета старейшин.

Сход в одном из сел Восточной Абхазии 29 января 2012 г. Обсуждался вопрос о криминогенной ситуации в связи с участвовавшими случаями краж и грабежей. Выступали за создание учреждения совета села с предоставлением полномочий осуществления суда по обычному праву абхазов — апсуа цас — по отношению к лицам, совершившим правонарушения, обсуждались санкции — изгнание из села вместе с семьей (если есть семья), лишение права участвовать в жизни села (похороны, свадьбы). Сторонники применения обычно-правовых санкций апеллировали к следующим аргументам: законы бездействуют, даже если правонарушители привлекаются к ответственности, они не в полной мере исполняются (слабо работает пенитенциарная система); люди не обращаются в правоохранительные органы в связи с их бездеятельностью и коррумпирован-

ностью; лица, работающие в них, не обладают высокой квалификацией. Противники применения норм обычного права обосновывали свою позицию следующим образом: мы не можем выселять, так как это противоречит Конституции РА; куда пойдет высланный из Абхазии человек? Есть опасность того, что в пределах Абхазии в другом селе преступник продолжит преступную деятельность; кто будет осуществлять санкции непосредственно (нужны силы)?

Таким образом, мнения разделились в основном на две части. В итоге председательствующий предложил компромиссный вариант — воздержаться от выселения в связи с высказанными аргументами, однако применить иные нормы обычного права — апсуа цас о социальном изгойстве, при этом решение будет реализовано в соответствии с процедурой — Совет старейшин села выявляет и принимает решение.

В наши дни мы можем обнаружить наличие правового плюрализма в толковании права и применении. Толкование идет с позиций духовных доминант абхазской культуры, таких как возраст, т.е. почитание старшего, честь и достоинство, святость памяти предков, приоритет безопасности абхазского этноса и др. В частности, законодатели не идут на либерализацию законодательства о земле (земля является собственностью Республики Абхазия) и на разрешение продажи недвижимости не гражданам Абхазии.

Следует предположить, что проявления правового плюрализма в Абхазии могут носить более яркий характер в связи с необходимостью поиска своего пути развития.

Исходя из сказанного, на мой взгляд, необходимо определить место и значение государства и его роль в конкретном историческом контексте. Это важная задача науки, поскольку от позиции государства, его стратегических интересов в значительной мере зависит сохранение достоинства народа и каждого человека в отдельности, его прав и свобод, культуры и традиции общества, его своеобразия и самоценности.

В связи с этим необходимо понять подлинное содержание демократии, то, что демократия есть средство контроля общества над правительством. Нужно избежать порочности постсоветской практики во многих странах, в которых демократия стала аналогом «европейским костюмам и сценографии». Правительствам постсоветских стран демократия позволяет выпускать пар, решать мелкие вопросы, снимать недовольство. В большинстве стран преобладающей силой является исполнительная власть. Ее приоритет перед законодательной и судебной ветвями власти оборачивается вмешательством силовиков в политику, негативные последствия которого общеизвестны.

Известно, что демократия — продукт европейской цивилизации. Однако в традиционной культуре абхазов, по нашему мнению, имеются предпосылки демократии. В частности, властеотношения в абхазской культуре выстраиваются по формуле: более высокое служение общему благу предоставляет право повелевать, что выражено в национальном Гербе РА.

Важнейшей задачей ученых является отыскание фундаментальных принципов права или правовых идей в традиционной культуре абхазов. В этом кон-

тексте важное методологическое значение имеет вывод, сделанный В.А. Бачининым: «Подобно тому, как прозрачные кристаллы меняют свой цвет в зависимости от цвета фона, юридические артефакты (старинная вещь — *Ф.К.*) способны изменять свои смысловые и нормативно-ценностные линии и фигуры от воздействия на них меняющегося социально-исторического контекста. Каждая новая эпоха имеет свойство вкладывать в них свое, дополнительное к уже имеющемуся социальное и культурное содержание, тем самым еще более повышая степень их полисемантической» [2. С. 17–18]. К аналогичному, по сути, выводу пришел известный российский политолог А.С. Панарин: «Ведь еще недавно социология измеряла успехи личности такими показателями, как образование, квалификация, урбанистические ориентации и установки, близость к передовым технологиям и т.д. Считалось, что та социальная группа, которая обнаруживает перечисленные признаки, имеет целый ряд преимуществ и более адаптирована к изменяющимся условиям. Однако современная наука зафиксировала удивительные вещи: именно вышедшие из деревни и других «традиционных секторов» стали выступать как более эффективная группа. Они сохранили главное — трудолюбие и дисциплину, нормы ответственности и даже патриархальной морали, которые оказались не менее важными, чем образование, квалификация и другие. Действительной опорой современной цивилизации явился не целиком современный человек одного измерения, а те, кто сохранил культурную многомерность, чье сознание насыщено драматургией встречи “старой этики” и новой психологии» [9. С. 123].

Как известно, специфика правовой жизни и правосознания конкретного общества определяется духовной культурой народа. В абхазской культуре выработаны свои системообразующие правовые идеи, содержание которых непосредственно обусловлено доминантами духовности народа, они являются смысловыми константами, свойственными правовой мысли на всех этапах ее историко-культурного развития. Они образуют образцы общественного правосознания, на которых строятся правовые взгляды и строится правовая практика. Они самовоспроизводятся в различных формах и определяют весь мыслительный строй правосознания.

Право, наряду с выполнением функции регулятива социальных отношений, выступает формой общественной духовности. Анализ обычного права абхазов «как формы духовности позволяет выявить его специфику в содержательной плоскости, дает возможность постичь внутренние движущие силы права» [7. С. 387].

Следует отметить, что духовность в ее содержательной специфике, с одной стороны, является продуктом долгой кристаллизации обстоятельств и форм жизни поколений, результатом сложного переплетения факторов самого различного характера. С другой стороны, она в каждый исторический момент, в каждую эпоху оказывается некой заданной предрасположенностью, системой интеллектуальных установок общественного сознания. Духовность, будучи качественной характеристикой идеального бытия людей, представляет собой важнейший элемент общественной культуры. Духовная культура общества является смысловым каркасом, в рамках которого существует и развивается правосознание.

Поэтому чтобы понять существо права, характерного для определенного общества, первым познавательным шагом должно быть определение доминант духовности, свойственной конкретному народу, духовных констант его культуры. Доминантами можно считать те черты духовности народа, цивилизации, которые не только обнаруживаются, но и оказываются существенными во всех ее элементах и поэтому сообщают специфику всему содержанию конкретной культуры. Они — и самый глубинный уровень общественной жизни людей, и то, что как бы «лежит на поверхности», что очевидно, воспринимается и встречается повсеместно и привычно.

Если мы понимаем, каковы доминанты духовности народа, конкретной культуры, тогда становится ясным и то, какие идеи господствуют и непременно должны выполнять системообразующую роль в реальном общественном правосознании. В своей совокупности эти идеи выражает собой «дух» конкретного права, они являются своеобразным «смысловым наполнителем» определенных социальных отношений. Все остальные идеи и понятия конкретного общественного правосознания можно рассматривать как вторичные, как бы выводимые из фундаментальных идей. В своей совокупности системообразующие идеи выступают в качестве интеллектуально-духовных концептуальных установок (образов) права и определяют логику правосознания, и характеризуют в целом менталитет народа.

Необходимо отметить, что духовная культура того или иного общества не может не вступать в сложное взаимодействие с культурами соседствующих в пространстве и времени обществ, поэтому она, в какой-то степени, предстает как результат длительного взаимовлияния культур.

Таким образом, в исследуемом контексте представляет интерес правовая культура абхазов и те духовные доминанты или «границы кристалла», которые позволяют ей воспроизводиться. Доминантами духовности, сообщающими своеобразие абхазской традиционной правовой культуре, являются традиционность, ритуализованность и моральность.

Под традиционностью применительно к абхазской культуре можно понимать такие установки общественного сознания, как ориентация на привычный ход вещей, отношений и мыслей; самодостаточность обычных оснований материальной и духовной жизни; опора на преемственность, связанность современности с ее корнями; установка на смысловую тождественность прошлого и настоящего. Традиционность представляет собой такую ориентированность на предстоящую завтра, через год, в другом поколении жизнь, в которой выражена непотерянность, значимость, осмысленность существования человека.

Элементы традиционности в той или иной степени присущи духовности любого народа, пока он остается тем же самым народом, пока остается неизменной самоидентификация этого народа, придающее своеобразие и качественную определенность.

Установка на традицию служит тем «кристаллом», сквозь который просматриваются все стороны и моменты повседневной жизни, смысл событий и исторических фактов. Доминирование традиционности — способ социально-духовного бытия, посредством которого абхаз обретает определенное место в

жизни, позволяющее ощущать себя уверенным, спокойным, исполненным хоть и минимального, но очевидного достоинства. Человек наполняется ощущением надежности и правильности своего существования, а потому и оправданности всего, чтобы с ним не происходило.

Ритуализованность является отражением господства внешней формы в поведении, в целеполагании, в последовательностях повседневной жизни. Она выражает установку на придание порядку, символу, знаку, да и отдельному поступку свойства самодостаточности. Ритуализованность является способом замещения рациональности решений жизненных проблем готовыми образцами, поскольку следование ритуалу позволяет переносить из одной плоскости в другую, менее конфликтную и сложную. Ритуализованность определяет базовое сочетание всех элементов духовности абхазской культуры, в том числе и правовой культуры.

Моральность, как характеристика духовности общества, вообще означает обращение, в различных формах, к индивидуальному началу в повседневной жизни, к ситуациям жизненно или просто социально значимого выбора, к мотивационной стороне деятельности. Она предполагает перенос жизненных решений в идеально-должную сферу, является установкой на отказ от общности, односторонности последствий конкретных действий.

В абхазской культуре эти общие черты моральности уникально переплетены с ритуальным началом социально-духовной жизни. С одной стороны, в социальной практике естественна и обычна индивидуализация практических ситуаций, с другой же — явственно давление стандартов, готовых образцов в освоении конкретных ситуаций. Таков своеобразный механизм пробуждения личностных форм контроля и мотивации, которыми, как известно, являются долг и совесть.

В Абхазии право в качестве относительно самостоятельной сферы социальной и духовной жизни не окончательно сформировалось, поэтому было скорее, моментом, вкрапленным в этику и политику. Ритуализованная и опирающаяся на традицию мораль является основой правовой культуры Абхазии. Парадигмами данной правовой культуры являются традиционность норм права, санкционированность права этическими соображениями, приравнивание преступления к этико-политическому отклонению.

Права человека, с точки зрения абхаза, могут быть поняты только в терминах высокой морали. Потому что в культуре Абхазии этическая норма превращена в основу основ образа жизни. Писанные нормы позитивного права понимаются как такие инструменты, применять которые следует только тогда, когда все другие средства уже недостаточны, когда моральные регуляторы дают сбой, когда человек не в состоянии или не желает справиться с ситуацией типичными средствами.

Системообразующая роль в абхазской правовой культуре, таким образом, принадлежит, прежде всего, идеям: «апсуара» — моральный кодекс поведения, «апсуа цас» — обычай абхазов, «ацабырг» (состоит из корней «ацас» — обычай и «абырг» — старший) — справедливость или устоявшийся (старший) обычай,

«аламыс» — (совесть), «азакуан» (состоящее из таких корней, как: «азага» — мера, «акы» — один, т.е. одна мера или мера чего-нибудь), «ауынра» — очаг, «аи-зырхара» — приращение к очагу, «арцауы» — учитель, «ацей» — познающий.

Центральной идеей абхазского правосознания можно считать идею «апсуара» как глубинного основания, регулятивного и ценностного строя права. По нашему мнению, наиболее очевидным и ближайшим логическим следствием ее выступает идея «апсуа иламыс» — совесть абхаза. Он характеризует способ достижения и реализации «ацабырг» — справедливости. Это значит, что справедливость реализуема вследствие достоинства ищущего справедливость правового существа.

В свою очередь, идея служения оказывается следствием внутреннего духовного импульса, призванного различать свою значимость в общественном целом и реализовывать себя именно в общественном деле. Идея служения вознаграждается свободой, с помощью которой реализуется возможность ощутить себя частью того, что возвышается над человеком, и достигается самоценное состояние (статус), характеризующее положительным социальным измерением. В данном случае свобода человека становится следствием успешности его во благо общественного служения. Именно так возможно интерпретировать символ, изображенный на гербе Республики Абхазии [1. С. 19–20].

Служение во благо общественного предстает как долг, как обязанность человека, возвышенная до уровня нравственного побуждения. Поэтому закономерно принимается общественным сознанием. Результатами такого служения становятся исключительное бескорыстие, самоотверженность, а не личное благополучие, личная обеспеченность, страсть к привилегиям. Эти цели оказываются фактическими стимулами деятельности.

Идея служения раскрывается как логическое основание идеи «ацей» — (познающий, послушный), потому что она ведет человека к долгу познания и послушания. Последние не могут не основываться на разумности, целесообразности общественных требований, потому становятся неизбежным условием обретения идеи «ацабырг» — справедливость. Идея «ацабырг» в таком случае приобретает своеобразные культурные черты. Она предстает как должное, идеальное значение события, которое достигается духовно-нравственным воспитанием «арцауы» — учителя. «Ацабырг» — результат напряженного состояния людей в системе терпимости и зависимости «арцауы» — «ацей» на фоне борьбы за достижение общего блага для социального целого: семьи, рода, сельской общины — акыта, народа Абхазии.

Идею «апсуара» следует признать основой абхазского правосознания. Данная идея имеет обширное поле значений и соответствует большому кругу понятий: это и правило поведения, и обряд, и обычай, и благопристойность, и ритуал, и многое другое. Смысловыми полюсами «апсуара» являются, с одной стороны, внутренние моральные качества человека, а с другой — налагаемые извне обязательства.

Идея «апсуара» позволяет указывать достойный путь выполнения всех социальных требований человеку, в какой бы области его жизни эти требования ни предъявлялись. «Апсуара» — это восхождение к вершине, она всегда связана

с преодолением, тогда как несоответствие «апсуара» — это падение. Эта идея выражает полноту соответствия конкретного поведения бытующей справедливости и праву.

Идея справедливости — «ацабырг» — заключается в том, что справедливость понимается как то, что соответствует устоявшемуся обычаю — («ацас» — обычай + «абырг» — старший). Здесь принцип равенства перед обычаем (принцип формального равенства) проявляет себя в абсолютном значении, когда нарушение (обычая) ведет к одинаковой ко всем и весьма высокой плате за проступки. «Апсуа цас» — не просто неизбежность и обязанность должника рассчитаться, но всегда — суровый долг и неустрашимое внутреннее побуждение к возмещению как к способу сохранить свое лицо.

Идея служения является целеустановкой правосознания, связанной с внутренней оправданностью служения заветам старших: служить достойно традициям рода; защита родины от врагов; служить народу. Она выражает органичность и неразрывность связи человека с родом, народом, с родиной; она фиксирует ценность подчинения человека родине и общественному целому, долг человека осуществить «аизырхара» — приращение к очагу предков.

Идея служения утверждает готовность к жертвенности для этих целей. Если воспевалось служение героя нартского эпоса Сасрыквы роду — большой семье нартов — мифологических предков абхазов, то сегодня эта идея выражена в служении народу Абхазии (современный герб Республики Абхазия).

Таким образом, обращенный на кристалл свет (социальный вызов) привел к новой интерпретации «границ кристалла» — идеи служения общему благу.

Следующая «грань кристалла» — идея стремления к познанию «арцауы» — состоит из трех корней «ар»- боевая единица, «ацас» — обычай, «ауаю» — человек. Соответствовать статусу «ацей» — познающего, несомненно, одна из системообразующих идей абхазской правовой культуры.

Идея «ицасым» — преступить обычай непосредственно связана с такими понятиями, как ответственность, вина и наказание, и является следствием отрицания идеи «ацей». Ответственность, наказание — это кара, нравственное возмездие, страдания. Оно компенсирует правовой произвол приданием ему смысла душеспасения. Данная идея, образно описанная в мифе «О Абрьскиле», которого бог заточил в пещеру за неповиновение высшему закону, стимулирует человека к нравственному восприятию правовой жизни (здесь находим выражение принципа неотвратимости наказания).

В абхазской правовой культуре заметное место принадлежит идее «азакуан», состоящей из таких корней, как «азага» — мера, «акы» — один, т.е. одна мера или мера чего-нибудь, которая адекватнее всего способна выразить существо понятийного строя правосознания (формальная мера).

Однако понимание сути и природы закона — вовсе не то же, что, например понимание правового закона в европейской правовой культуре. Закон здесь, скорее, следствие соответствия праву и «апсуара» — морали. Правовая мысль преимущественно сосредоточена на том, чтобы показать, насколько индивид отошел от «апсуара».

Выявляя мотивы поведения индивида, устанавливается мера наказания, представляющая собой традиционно-нравственное воздаяние, оценку, возмещение. Суть правового регулирования здесь заключается в том, чтобы с помощью действия, процедуры, формы, церемониала оказать воздействие на личность, которое пробуждает в нем стыд, долг, честность, искренность, преданность. Неслучайно в связи с этим в суде старейшин в устно выносимом решении говорится о достижениях предков, всего рода обвиняемого, подчеркивается невыполнение долга последним перед прошлым и будущим, особо подчеркивая их действия и поступки, характеризующиеся как соответствующие высокому требованию «апсуара».

Таким образом, в основании логики абхазского традиционного правосознания положена циклическая связь идей, что является предпосылкой для выведения современной политико-правовой модели развития Абхазии.

Современная Республика Абхазия (Апсны) — в соответствии с Конституцией Республики Абхазия — это суверенное государство, которое, добившись фактической независимости, проделало значительные шаги на пути ее юридического оформления.

Первым актом утверждения международной правосубъектности Абхазии стало признание ее независимости со стороны Российской Федерации 26 августа 2008 г. Абхазия прошла сложный путь от «суверенитета факта» к «суверенитету признания». На этом пути Республика Абхазия решает, как и многие другие государства, сложные по характеру и значительные по объему задачи. От того, насколько полно и последовательно будут учтены объективные и субъективные условия, специфика геополитического расклада, влияние глобализации, традиционные факторы, будет зависеть развитие ее правовой системы. В этих условиях актуальными стали вопросы о новой роли права, об обновлении и развитии законодательства, без решения которых нельзя обеспечить проведение реформ в различных сферах, справиться с преступностью, успешно формировать правовое государство. При этом, как известно, принятие тех или иных актов, само по себе увеличение их числа не свидетельствует о повышении уровня правовой урегулированности общественных отношений и укреплении законности.

Абхазия сегодня, можно сказать, переживает период нестабильности («бифуркации»), происходит «скачкообразная» перестройка правовой системы под определяющим воздействием флуктуации (случайного воздействия).

Особенность последней заключается в том, что в этот момент развития правовой системы даже самая малая флуктуация может сыграть существенную роль в будущей судьбе системы. Выбор нового пути совершается через случайность, но при этом стоит учитывать, что случайные флуктуации не в состоянии кардинально заменить конфигурацию альтернатив развития правовой системы [З. С. 41]. Имеются так называемые «универсальные принципы», которые играют существенную роль в бифуркационный период. К ним можно отнести историческую память, что позволяет говорить не только о наличии условий формирования особенностей традиции права постсоветских государств, не позво-

ляющих свести ее к «западной» правовой традиции и обусловивших необходимость поиска на правовой карте мира места правовым системам постсоветских государств, но и прийти к заключению, что традиция права постсоветских государств носит раздробленный характер — комплекс традиций — диалог традиции обычного права и традиции кодифицированного права. Такой дуализм правовой традиции обусловлен дуальностью правовой культуры. Комплексный характер правовой традиции постсоветских государств гарантирует гибкость для существующей традиции и является своеобразной гарантией ее жизнестойкости.

Применительно к правовым системам постсоветских государств «идеологическое начало» получает свое выражение в наборе черт, характеризующих уникальную правовую культуру этих государств, а именно идеологию государственности, отношения государства, права и общества, религиозную составляющую государственно-правовой жизни, соотношение закона и права, правосознание, менталитет и т.д. Именно эти черты оказывают определяющее влияние на предрасположенность правового развития на постсоветском пространстве.

Государственно-правовой кризис на постсоветском пространстве усугублялся неясностью идеологических начал, без которых невозможно было определиться с приоритетами строительства государства. Отсутствие предпочтений в идеологической конструкции государственно-правовой жизни стало помехой на пути самоопределения народов. В этом и кроется одна из основных причин нестабильного государственно-правового развития на постсоветском пространстве в современный период. Кроме этого, возникшая ситуация неопределенности по поводу матрицы идеологии постсоветских государств и отнесения ее к одному из двух существующих типов — западному или восточному — обуславливает целесообразность высказывания о том, что «маятник» самоорганизации еще не определен, что в свою очередь не дает возможности однозначно выработать приоритет правового развития государства.

Выбор пути посткризисного развития правовыми системами постсоветских государств в значительной степени зависит и от политической обстановки в самом государстве, в регионе и на мировой арене, от отношений этих государств с другими странами, право которых может косвенно повлиять на характер развития постсоветского права. Прежде всего, это влияние может быть осуществлено через участие в интеграционных процессах, в рамках которых происходит преобразование правового идеала, трансформация правовых систем государств-участников, прежде всего в связи с их сближением и выработкой новых регуляторов в общем (интегрированном) правовом пространстве.

Выбор пути развития правовой системы Абхазии характеризуется пока противоречивостью, обусловленной как сложным геополитическим положением, так и социокультурными, политико-экономическими факторами: «огромное разнообразие поведения и богатства возможностей — пороговые эффекты, множественность решений, существование хаотических траекторий, парадоксальный антиинтуитивный отклик при изменении внешних воздействий» [4. С. 45]. В результате «качественной дезориентации» правовой системы перед последней возникает «карта возможностей», представляющая набор потенци-

альных путей выхода на новые системные качества, составляющих историческую альтернативу. Альтернатива предполагает, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие правовой системы: либо продолжение исходной эволюционной траектории, либо выбор одной из заложенных, еще ранее не реализуемых, либо исторически пройденных потенциальных возможностей, представляющих качественно новый эволюционный путь развития правовой системы.

Сегодня в Абхазии можно наблюдать альтернативы эволюционных путей («карты возможностей») развития правовой системы. Конфигурация альтернатив развития правовых систем прежде всего зависит от: 1) национальных особенностей правовой системы; 2) возможностей, заложенных в ее структуре; 3) характера причин, обусловивших нестабильное функционирование правовой системы. Правовая система Абхазии пребывает в довольно нестабильном состоянии из-за поствоенного периода и противоречивого багажа — наследия прошлого. В этих условиях Абхазия оказалась перед выбором эволюционной альтернативы: либо в основе правового развития будет превалирование самобытных ценностей, облеченных в государственно-правовую форму, настаивание на существовании собственной традиции права, определяющей формирование на постсоветском пространстве отдельной правовой системы, либо правовое развитие в российской правовой системе, что предполагает сближение с континентальным правом и повлечет появление все более унифицирующих черт.

После распада СССР у Абхазии, как и у других образовавшихся государств, нет альтернативы интеграции. Однако в каком направлении она будет проходить?

Итак, политический курс постсоветских государств может быть направлен на интеграцию в рамках самого постсоветского пространства.

Этому есть ряд логических объяснений: у россиян и абхазов и у других народов много общего — географическая локализация, коллективная память, история, культура и т.д., после распада СССР большая часть населения психологически была не готова к ликвидации единого союзного государства, и требовался структурирующий механизм постсоветского пространства. Таковым стало Содружество Независимых Государств (СНГ), которое на первых порах способствовало выработке взаимоприемлемых «правил игры».

Однако эта региональная организация так и не доросла до уровня интеграционного объединения. Тем не менее, есть и другие точки зрения на развитие интеграционных отношений на постсоветском пространстве, которые актуализируют проблему множественности форматов, в том числе поднимая вопрос о возможности сохранения и дальнейшего развития «большого» СНГ, но в сочетании с многоформатной и разноскоростной интеграцией.

Другой вариант интеграционных отношений — интеграция в Европейский Союз (ЕС). Появление в рамках этого союза наднационального права позволяет говорить о трансформации европейского правового пространства, проникновение в которое правовых систем постсоветских государств повлечет сближение правовых традиций и дальнейшее появление унифицированных правовых черт,

позволяющих с большей уверенностью причислять правовые системы постсоветских государств к романо-германской правовой семье. Тому примером собственно служит реализация стратегической цели Украины — вступления в Европейский Союз. Ведь в большей части эта работа касается правовой сферы, поскольку без соответствия правовой системы Украины правовой системе ЕС цель не может быть достигнута.

Таким образом, от вектора интеграции — будет ли она «европейская» или «евразийская» — напрямую будет зависеть выбор одной из эволюционных альтернатив посткризисного развития правовых систем постсоветских государств, в том числе и Абхазии.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что правовая система Абхазии предстает как плюралистическая правовая система несмотря на наличие преобладания правового развития с уклоном в сторону континентальной правовой семьи на протяжении последних столетий своей истории, семьи, на уровне правопонимания, толкования и правоприменения которой проявляется влияние традиционного права абхазов, и данное обстоятельство сегодня негативно сказывается на функциональности, рациональности и эффективности правовой системы Абхазии. Следовательно, с целью достижения стабильности правовой системы перед Абхазией стоит задача включать в процесс правообразования наряду с механизмом государственного принуждения и социальные принципы самоорганизации абхазского общества, которые сосредоточены в «памяти» и в морально-этическом кодексе «апсуара», что послужит повышению уровня функциональности, рациональности и эффективности правовой системы Абхазии, позволит избежать конфликтной модели развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ариба В.Ш., Камкия Б.А., Камкия Ф.Г.* Абхазия в третьем тысячелетии: вхождение в мир в новом качестве. — Сухум, 2003.
- [2] *Бачинин В.А.* История философии и социологии права. — СПб., 2001.
- [3] *Ельчанинов М.С.* Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. — М., 2005.
- [4] *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего (Синергетика: от прошлого к будущему). — М., 2003.
- [5] *Колотова Н.В.* Право и права человека в условиях глобализации (Материалы научной конференции) // Государство и право. — 2006. — № 2. — С. 105–120.
- [6] *Макаренко В.П.* Кавказ: концептологический анализ // Социс. — 2001. — № 12. — С. 30–40.
- [7] *Малахов В.П.* Философия права. — М., 2002.
- [8] *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. — М., 2007.
- [9] *Панарин А.С.* Философия политики. — М., 1995.
- [10] *Скоробогатов В.Ю.* Саморегулирование как свойство правовой системы: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2013.

ABOUT THE PECULIARITIES OF THE LEGAL SYSTEM OF ABKHAZIA

F.G. Kamkiya

The Department of Theory and History of State and Law
Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia
32, *Kuybyshev Street, Sochi, Russia, 354348*

The article concerns with some problem aspects of Abkhazian legal system which surely are unexplored. The author reveals the specifics of the law-making in Abkhazia, noting the pluralism of its legal system during recent centuries. The necessity of inclusion of the social principles of abkhazian society self-organisation into a modern legal system of Abkhazia is justified.

Key words: legal system, transitive society, legal pluralism, dominants of spirituality, social principles of society self-organisation.

REFERENCES

- [1] *Arshba V.Sh., Kamkija B.A., Kamkija F.G.* Abhazija v tret'em tysjacheletii: vhozhdenie v mir v novom kachestve. — Suhum, 2003.
- [2] *Bachinin V.A.* Istorija filosofii i sociologii prava. — SPb., 2001.
- [3] *El'chaninov M.S.* Social'naja sinergetika i katastrofy Rossii v jepohu moderna. — M., 2005.
- [4] *Kapica S.P., Kurdjumov S.P., Malineckij G.G.* Sinergetika i prognozy budushhego (Sinergetika: ot proshlogo k budushhemu). — M., 2003.
- [5] *Kolotova N.V.* Pravo i prava cheloveka v uslovijah globalizacii (Materialy nauchnoj konferencii) // Gosudarstvo i pravo. — 2006. — № 2. — S. 105–120.
- [6] *Makarenko V.P.* Kavkaz: konceptologicheskij analiz // Socis. — 2001. — № 12. — S. 30–40.
- [7] *Malahov V.P.* Filosofija prava. — M., 2002.
- [8] *Mal'cev G.V.* Social'nye osnovanija prava. — M., 2007.
- [9] *Panarin A.S.* Filosofija politiki. — M., 1995.
- [10] *Skorobogatov V.Ju.* Samoregulirovanie kak svojstvo pravovoj sistemy: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. — M., 2013.